

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

ПОПАДАНКА
ЗА ШТУРВАЛОМ

Мстислава Чёрная

Попаданка за штурвалом

<https://litres.ru/73926569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежать от навязанного жениха, выдавать себя за мальчика всё ради того, чтобы спасти несостоявшемуся мужу жизнь и вляпаться в самое тесное знакомство?! Дженсен зла на судьбу и не намерена сдаваться, ведь на самом деле она не нежная дочка островного губернатора, а попаданка с Земли и отважная воздухоплавательница. Князь, берегись! Может быть, стоит угнать у него корабль?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	61
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мстислава Чёрная

Попаданка за штурвалом

Глава 1

Дженсен Рат

Высота стены храма Близнецов-Ветров полтора метра — не забраться. Отвесная, неровно отштукатуренная, она кажется непреодолимой преградой, но только не тогда, когда ты можешь проложить себе лестницу из золотых слитков.

Прячась в тени терновника, я выуживаю из нагрудного кармана свисток, резко дую. Звук неприятный, зато далеко разносится и похож на клёкот хищной серопёрой ярды. Кто услышит, не удивится, а вот для Карин, молодой жрицы храма, мой свист слаще музыки — он обещает ей хорошие деньги за пустяковую услугу.

Ожидание редко длится дольше четверти часа, но в этот раз верёвочная лестница, раскручиваясь, падает почти мгновенно. Я ухватываюсь за нижнюю перекладину.

Над стеной появляется лицо моей подельницы, и я, глядя снизу вверх, с первого взгляда понимаю, что Карин не на шутку встревожена.

— Барышня! — возмущённо шепчет она. — Почему так долго?!

— Как обычно. Что-то случилось?

Я карабкаюсь вверх и помогаю затащить лестницу обратно, вдвоём её скатывать легче.

— Ваши родители прислали за вами ещё час назад, — сообщает она.

Новость неожиданная и неприятная. Неужели что-то случилось? С чего бы родителям меня искать? Впервые такое...

Пять лет назад их дочка оправилась от очень тяжёлой болезни и решила, что её жизнь спасли не лекари, а молитвы матери и с тех пор проводит в храме Близнецов-Ветров времени больше, чем в родных стенах. Для всех девушка стала немного тронутой на тему религии, но правда в том, что пять лет назад душа настоящей Дженсен покинула тело, а опустевшую оболочку заняла я.

Пять лет назад храм стал моим убежищем — я понимала, что в семье быстро заподозрят подмену и проверять, что делают родители, обнаружив в теле своей дочери чужую душу, не стала. Кто сказал, что меня примут? А вдруг вызовут экзорциста? Или просто выставят за порог без средств к существованию? Больше всего в тот момент мне хотелось жить, и я пошла на обман. Я до сих пор не представляю, как сказать матери, что её Дженни мертва... Да и зачем причинять боль доброй женщине, уже мне глубоко безразличной?

Я не стала скрывать изменения — я их выпатила. Я ударилась в религию, как одержимая, и мой сумасшедший фанатизм затмил все остальные перемены: в характере, в мими-

ке, в жестах, в предпочтениях. И пусть в высшем обществе я прослыла помешанной и малость слабоумной, зато никто не сомневается, что я настоящая.

Была и другая причина увлечься религией. Таким образом я знакомилась с новым миром и выбрала храм Близнецов-Ветров не случайно. Меня привлекли удобное расположение и огромная территория, как раз на случай поисков — пока всё оббегут я сто раз вернусь.

За звонкую монету одна из младших жриц согласилась мне помогать. На словах я уединялась в молельном павильоне, а на деле перебиралась через стену и отправлялась в свободное плавание.

— Слуга не упоминал, почему меня ищут? — я отдаю Карин две монеты вместо одной, за волнение. Будет плохо, если она побоится и дальше мне помогать, надо “подмаслить”.

— Впрямую он не сказал. Вы должны успеть подготовиться к обеду... Кажется, ваш жених приезжает? — Карин пожимает плечами и поспешно прячет монеты под ворот в висящий на шнурке мешочек.

А я застываю, как громом поражённая.

Какой такой жених?!

То есть я знала, что Дженсен сговорена, таскаю на мизинце помолвочное кольцо. Но за пять лет жених никак себя не проявлял, и я о нём не беспокоилась, не вспоминала о его существовании. Помолвка без жениха меня полностью устраивала. Но если к кольцу теперь будет прилагаться он,

то колечко лучше снять. Я неосознанно трогаю ободок и мне мерещится, что полупрозрачный зелёно-жёлтый камешек на касание отзывается теплом.

Да уж, здравствуйте, господин Неприятность.

Окольным путём мы возвращаемся в молельный павильон. Я скидываю мужской дорожный костюм, благо истощённая болезнью фигура позволяет выдавать себя за художочного парнишку, и кое-как натягиваю глухое мышино-серое платье, ужасное для юной кокетки и идеальное для недомонашки. Карин помогает пришпилить к волосам шляпу с густой вуалью, непроглядной дымкой скрывающей лицо. В таком облачении я больше похожа на старую вдову, чем на невесту, а значит идеальна.

Карин отступает на полшага, критически осматривает меня с ног до головы и, ничего не говоря, распахивает скрипучую створку.

Я выбираюсь наружу.

Крошечные павильоны разбросаны по дикому саду. Здесь не думают о ландшафтном дизайне и позволяют кустам расти, как им вздумается, лишь бы давали густую тень и ощущение уединённости. Утоптанные дорожки часто петляют, воздух наполнен свежестью и ароматами травы. Я ловлю себя на мысли, что успела искренне полюбить храм.

— Святые Ветра, наконец-то! — на дорожке впереди появляется ещё одна жрица. — Барышня, вас все ищут!

— Я молилась, — отвечаю я сухо и постно.

— За вами прислали ваши родители, барышня.

Я киваю, но шагу не прибавляю, продолжаю семенить, как полагается благонравной девице.

Старшая жрица поджимает губы, но вслух не возражает, всё же я регулярно пополняю не только личный мешочек Карин, но и казну храма, делаю щедрейшие пожертвования.

Когда мы добираемся до главных ворот, экипаж уже ожидает снаружи. Кучер нервно меряет расстояние между стеной храма и пустым вазоном — лошадка как раз доедает последний лист росшего в нём цветка. При виде меня кучер шумно выдыхает, не скрывая облегчения, всплёскивает руками, но своё мнение, как и положено хорошему слуге, оставляет при себе.

В экипаж я забираюсь с помощью Карин — горничных я с собой в храм не беру. Ни горничных, ни компаньонку, тихо меня ненавидящую за разбитые мечты о частых светских выходах.

Хлопает дверца, экипаж почти сразу трогается, и я, задёрнув штору, устало откидываюсь на спинку сиденья.

Жених, говорите?

Похоже его визит связан с тем, что я недавно отметила совершеннолетие. Напоминать о себе письмом или подарком он не стал, зато заявился лично. Впрочем я допускаю, что родители просто не упоминали о его знаках внимания и тем более не давали мне его писем, а отвечали от моего имени сами — боялись, что пространные цитаты из молитвенни-

ка произведут на беднягу неизгладимое впечатление. Кому нужна жена с приветом?

Ничего, я и без писем справлюсь — пускай бежит, теряя тапки. Возможно, мой жених хороший человек, но он мне чужой.

С какой стати я позволю ему распоряжаться моей жизнью?

Хорошо бы добиться отмены помолвки... Но как? Я пять лет убеждала родителей, что в голове у меня ничего, кроме молитв, я просто не могу говорить с ними серьёзно, как взрослая. Открыть обман? — Нет, нет и ещё раз нет, последствия обернутся катастрофой. Может, сказать, что собираюсь дать обет безбрачия? — Слишком неубедительно. Эх, мне стоило заранее подготовиться к подобному разговору. Да и про жениха разузнать стоило, а я отмахнулась, увлеклась своими делами, забыла про него напрочь. Кто же знал, что он вылезет, да ещё так внезапно?

Весь путь до дома я прикидываю, что можно предпринять, но здравых идей нет.

Экипаж останавливается, у меня от страха и дурного предчувствия холодеют руки, но я справляюсь с собой и чинно выбираюсь на мостовую. В конце концов пока ведь только знакомство, верно?

— Дженсен, дочка! Святые Ветра, скорее же.

— Матушка, что случилось? — вместо того, чтобы поторопиться я наоборот останавливаюсь и кланяюсь. — Храни-

те вас боги, матушка.

Она подхватывает меня под руку и тянет с улицы в дом:

— Сегодня к нам на обед приезжает твой жених, Дженсен, и ты должна выглядеть достойно. А времени на подготовку меньше часа!

— Мама, не беспокойтесь. Я успею снять шляпку и переодеть платье.

— Дженсен! Твой обычный вид слишком скромный, в столице совсем другие нравы, а умение выглядеть элегантно для девушки добродетель.

Упс. Аргумент, на который я не могу возразить.

Зато могу спросить:

— Матушка, но почему он так внезапно объявился?

— Не думай о нём плохо, Дженсен. Он собирался инициировать кольцо ещё в день твоего совершеннолетия, но какие-то срочные дела не позволили ему прибыть вовремя. Зато сегодня сразу после обеда мы подтвердим вашу помолвку и назначим свадьбу, — улыбается мама. — Поздравляю, дочка.

Так помолвочное кольцо не просто дорогая побрякушка? Это артефакт?!

Глава 2

Солнечный луч падает на зелёно-жёлтый камешек, и кольцо будто подмигивает, смеётся надо мной как живое. Так бы и сорвала, но не на глазах у матери. Я давлю в себе раздражение и с притворным спокойствием следую на второй этаж. Жилой коридор убегает налево. Я чуть сбавляю шаг, прислушиваюсь. Судя по шуму суеты, почти все слуги внизу, наводят лоск в Большой столовой.

Мне везёт — мать решила лично проследить за моим внешним видом. Не удивлюсь, если в комнате меня дожидается новое, совсем не “вдовье” платье.

Я притворяюсь послушной — пока что меня всё устраивает. А вот комнате, обнаружив на плечиках подтверждение своей догадки — шифоновое весьма легкомысленное небесно-голубое чудо с россыпью жемчуга по лифу — я сухим не терпящим возражений тоном приказываю горничным удалиться.

Служанки вспархивают испуганной стайкой. Уходят не сразу, ждут реакцию госпожи Рат, но она их не останавливает.

— Матушка..., — обращаюсь я к ней, как только дверь за последней горничной закрывается.

Душевной близости между нами нет, воспринимать матерью эту немного полноватую, очень добродушную и совер-

шенно несамостоятельную женщину я так и не стала. Я до сих пор подсознательно ощущаю угрозу, которую несёт тесное общение с ней, и невольно сторонюсь. Однако госпожа Рат мне не безразлична, и я искренне не хочу причинять ей боль.

А она смотрит на меня с любовью и умилением:

— Дженни, я знаю, что такие платья тебе не нравятся, — вздыхает она, — но ради меня потерпи сегодня, хорошо?

Вот мне интересно, а как родители планируют объясняться с женихом? Он увидит симпатичную тихоню-модницу, а после брака обнаружит, что вместо кисейной барышни получил религиозный синий чулок. Или жениху всё равно? Брак договорной, помолвка заключена задолго до моего появления в этом мире. Возможно, личные качества невесты просто не принимаются во внимание.

— Матушка, я... не хочу замуж. Я хочу быть с вами и молиться о вашем благополучии, — всерьёз моё возражение не воспримут, но это лишь первый пробный выпад, прощупывание почвы.

Госпожа Рат притягивает меня к себе и крепко обнимает:

— Глупый ребёнок! Дженни, что ты такое говоришь? Как ты можешь остаться с нами? Между прочим я мечтаю понынчить твоих малышей, — мать легонько щёлкает меня по носу.

— Но...

— Дженсен, обещаю, я поговорю с папой, и мы не будем

торопиться со свадьбой.

— А кольцо? — уныло спрашиваю я и прокручиваю ободок на пальце.

Мама отстраняется, выражение её лица приобретает напускную строгость:

— Дженсен, не капризничай. Твой жених прибыл из столицы, чтобы инициировать помолвку. Как мы ему откажем? Ты же не хочешь, чтобы у нас были проблемы, верно?

— Я против брака с незнакомцем! А вдруг он окажется злым?

— Дженни, разве бы папа выбрал для тебя плохого мужа? И за незнакомца ты, конечно, не пойдёшь, потому что уже сегодня ты с ним познакомишься. Я обещаю, что до свадьбы хотя бы пару раз вы ещё обязательно встретитесь. К сожалению, он очень занятой и не может приезжать часто.

Вторую половину ответа я пропускаю мимо ушей, мне и первой хватило. Всё хуже, чем мне представлялось. Похоже, госпожа Рат вообще не имела отношения к устройству брака собственной дочери, господин Рат принимал решение один. Ах ты же... Слов цензурных нет!

Я напоминаю себе, что в этом мире подобное — норма. Вот взять для примера мать Дженсен, госпожу Рат. Классическая “правильная” жена — ведёт хозяйство, во всём слушается мужа, украшает собой его дом и поддерживает уют. Она вполне счастлива и, как мне кажется, уже после брака полюбила мужа. По крайней мере она к нему привязалась и

относится с почтением и искренней теплотой. Когда-то выбор сделали её родители, мои дедушка и бабушка. Выбор удачный. Отец о нас заботится, не ограничивает в деньгах, ни разу не повысил голос. Если и изменяет матери, то тайно. Мда... Не из того я теста, чтобы принять подобный образ жизни. Мать на своём месте счастлива, а я, примеряя на себя её шкуру, готова взвыть от тоски.

Разговор не прошёл зря — я выяснила, что мать мне точно не поможет, причём из самых лучших побуждений.

— Папа дома? — уточняю я.

— Нет, Дженни, он уехал встречать нашего гостя, поэтому, пожалуйста, потерпи до вечера.

Угу...

То есть вернётся господин Рат сразу к обеду, будет безотлучно развлекать жениха, затем инициация — и отбрыкаться от свадьбы станет невозможно. Допустим, я всё же сумею вклиниться до ритуала и поговорить с отцом с глазу на глаз. Толку? Ответ будет один — “Дочка, я выбрал тебе хорошего мужа”.

Возможно, завтра я придумаю, как решить проблему без потерь, но вряд ли жених согласится подождать, когда меня наконец озарит, а прямо сейчас я вижу лишь один выход, не самый умный, зато самый очевидный — побег.

Я позволяю горничным наряжать меня, пару раз жалуясь на волнение. Один раз — матери, которая зашла меня проведать.

— Простите, матушка, — выдыхаю я. — Мне действительно не по себе.

— Дженни, какая ты у нас красавица! Только взгляни, — она лично закалывает в мою причёску жемчужный гребень и тянет меня к ростовому зеркалу.

Мне больно смотреть на её нежную улыбку.

— Это не я...

В зеркале отражается болезненно-бледная кукла, на лице одни глаза и выделяются. Цвет платья мне совершенно не идёт, но в то же время я всё-таки похожа на дочь аристократа, а не на монашку.

Я не узнаю себя в отражении. Если в образе серой моли я вообще никакая, то в мужском костюме, очень даже живая, хоть и тощая. Впрочем, не могу не признать, что девушка в зеркале миловидна и очаровывает хрупкой женственностью. Тростинка-моргалка. ага.

— Это ты, Дженни. Ты очень красивая, моя девочка.

— Госпожа, экипаж появился в начале улицы, — докладывает старшая горничная.

— Идём, Дженни.

Зеркало отражает, как кровь отливает от моего лица. Волнение совершенно не наигранное.

Мы спускаемся в холл.

Сколько здесь ехать, минуту? И спускались мы столько же. Экипаж, наверное, прямо сейчас останавливается перед парадным крыльцом, ещё чуть-чуть, и они войдут. И тогда

для меня всё будет кончено. Сердце проваливается куда-то в желудок.

Я не выйду замуж вот так, слепо!

— Матушка, — всхлипываю я и шёпотом жалуясь. — Живот прихватило. Я сейчас!

— Дженни!

Приподняв юбку, я уже бегу прочь, а госпожа Рат лишь протягивает руку мне вслед. Встретить жениха в одиночку, без меня, плохо. Но вообще не встретить ещё хуже, поэтому она вынуждена остаться в холле, тем более дверь открывается.

Я успеваю скрыться с глаз вовремя, а дальше всё просто. Я бросаюсь в свою комнату, закрываюсь изнутри.

Потеря времени, но я оставляю прощальную записку с извинениями, наконец-то, срываю кольцо. Оно послушно сваливается с пальца, и я кладу его на записку сверху.

Я рушу причёску, выпрыгиваю из платья. Голубой шифон я так и брошу на полу. Из-под кровати вытаскиваю “тревожный чемоданчик”. Своё свидетельство о рождении я у родителей давно стащила, деньги приготовила. Я натягиваю брюки, рубашку с запахом. Грудь даже перетягивать не требуется, фигура у меня доска доской. Полюбившийся жилет с кармашками — я их купила несколько — я дисциплинированно застёгиваю на все ремешки. И последний штрих — я отстригаю волосы, для местных девушек немислимое кощунство. Улик оставлять нельзя — я бросаю светлые лохмы на

дно чемоданчика.

Вроде бы всё? Ничего не упустила, не забыла?

Очень скоро встревоженная госпожа Рат пошлёт за мной горничную. Служанка войти не сможет, и госпожа Рат поднимется лично. Дверь откроют быстро, найдут записку и... бросятся в погоню, без сомнения.

Времени у меня в обрез, думать некогда. Что бы я ни упустила, к демонам!

Окна моей комнаты выходят на сад, и я по верёвке без особых трудностей сползаю куда-то в цветущие гортензии, гордость нашего садовника. Путь отхода давно продуман — я несусь к старой яблоне, растущей неподалёку от забора, забираюсь на неё, а затем по ветке добираюсь до забора и спрыгиваю вниз. Охранный контур признаёт во мне “свою” и беспрепятственно пропускает.

Почти сбежала.

Я ныряю в проулок, вынырываю уже на проспекте и машу скучающему на облучке кучеру. Я бы предпочла закрытый экипаж, но и открытая коляска подойдёт, лишь бы скорее.

— Успеем в порт за полчаса, заплачу двойную цену, — рявкаю я и запрыгиваю.

— С ветерком прокачу, малец!

Вот и славно...

Побег я готовила “на всякий случай” и, если честно, никогда не думала, что случай действительно наступит. Возможно, я совершила ошибку. Возможно, можно было поступить

иначе. Но что сделано, то сделано.

Я еду в столицу.

И из документов у меня при себе не только свидетельство о рождении, но и рекомендательное письмо в Лётную Академию. Рулить воздушными кораблями моя страсть.

Глава 3

Милан Авей

С невестой что-то нечисто.

По всем правилам она должна была встречать меня, стоя рядом с матерью, но почему-то осталась в своих комнатах. Госпожа Рат невразумительно извинилась от её имени и охотно рассказала, что у девушки хрупкая душевная организация.

Чушня! У всех девушек душевная организация очень хрупкая, но они почему-то этикетом не пренебрегают и свою хрупкость показывают иначе, благородно лишаясь чувств, когда это позволяют обстоятельства.

Похоже, полагаться на жену во время светских приёмов я не смогу.

— Какая изящная работа, — хвалю я напольную вазу, а мысленно представляю, как она от пинка разлетается на цветастые осколки.

— Имитация южно-ламейского стиля, — охотно поясняет господин Рат.

Мне без разницы, ясно?

Ожидание раздражает. Я был уверен, что не задержусь в городе, но прямо сейчас у меня зудит копчик, а это верная примета — к неприятностям.

— Вы коллекционер, губернатор? — хорошо бы, тогда я

всегда буду знать, что дарить тестю.

— Нет, что вы! Баловство. Ваза приглянулась моей супруге, и я приобрёл.

Дженсен продолжает игнорировать меня и через пять минут, и через десять. Возможно, у неё действительно приключился какой-то конфуз, но давно пора решить проблему. Я-то ладно, но ведь она и родителей заставляет нервничать. Господин Рат всё чаще промакивает платком намечающуюся лысину.

— Дженсен вот-вот спустится, — обещает госпожа Рат.

В ответ на насквозь фальшивые заверения, я вежливо оскаливаюсь в улыбке.

Конечно, девушка так и не появляется. Больше того, начинается подозрительная суэта, которую слуги тщетно силятся скрыть, но им не хватает способностей. Провинция-с. И дело не в выправке, а в том, что в столице слуги всего лишь чаще сталкиваются с разного рода неприятностями, поэтому и справляются лучше.

В доме разгорается суший бардак, обед почти что сорван. Господин Рат рассыпается в извинениях и сбегает вслед за госпожой Рат. Я очень удачно оказываюсь представлен самому себе.

Я выжидаю момент и решительно взбегаю на второй этаж, лакеи и пискнуть не успевают, когда я проскакиваю мимо них.

Ориентируясь на шум, я вхожу в какую-то комнату и по-

падаю напрямиком в спальню моей невесты.

Приличия меня больше не заботят, поэтому я не только не выхожу в коридор, а наоборот прохожу дальше.

Открывшаяся мне картина... на миг оглушает. Я ждал чего угодно, истерики, например, но не пустоты.

Моей невесты ни в будуаре, ни в спальне нет. В ванной, судя по всему, тоже. Зато на будуарном столике лежит моё кольцо, а в руках у четы Рат какая-то бумага, и они настолько увлечены содержанием записки, что меня не замечают.

Одного взгляда хватает, чтобы горничная, собиравшаяся что-то сказать, зажала себе рот обеими руками и попятилась.

Я выхватываю у госпожи Рат бумагу.

Мимолётно удивившись резкому какому-то рубленому, ни разу не женственному почерку, я вчитываюсь в текст.

“Мои драгоценные матушка и отец! Я молюсь святым Ветрам о вашем благополучии и глубоко сожалею, что причиной вам боль, но я знаю, что вы меня любите и желаете мне счастья, и только поэтому я решилась уйти. Простите, но я отказываюсь выходить замуж, следуя вашей воли. Моё сердце давно принадлежит Рику, и только с ним я могу быть по-настоящему счастлива. Я обязательно буду писать и надеяться, что однажды вы сможете меня простить и принять”.

И подпись “Ваша Дженни”.

Хочется скомкать лист, смять, сжечь. Но я отбрасываю его на столешницу. Записка не мне — сжигать нельзя. Огонь всё же вспыхивает на пальцах, и я усилием воли заставляю его

впитаться обратно.

Раздражение перерастает в опаляющую злость, а она сменяется ледяной яростью.

— Моя невеста изменяет мне с неким безфамильным Риком? — обманчиво спокойно спрашиваю я.

Ну разумеется!

Судя по письмам, которые я получал, Дженсен самая обычная девушка, скромная и застенчивая. Я думал, что слухи о её религиозности преувеличение. В любом случае, нет ничего плохого в том, что моя будущая жена проводит время в храме. Не в салонах же пропадает ночи напролёт, дегустируя вина и ликёры.

Но оказывается, храм был всего лишь прикрытием преступного романа.

И ещё... Почему почерк, которым были написаны письма отличается от почерка записки? Рик настолько вскружил Дженсен голову, что она позволила ему писать за себя? Почерк-то мужской.

Я смотрю на господина Рата, на госпожу Рат. И понимаю, что они шокированы. Похоже, они вообще ничего не знают о романе Дженсен. Гром среди ясного неба напугал бы их меньше, чем эта записка.

— Это какое-то недоразумение! — жалобно восклицает госпожа Рат. — Дженни очень хорошая девочка, послушная...

— Ваша послушная девочка только что сбежала из дома,

— отрезаю я. — О Рике мы поговорим позже. Надеюсь, вы согласны, что Дженсен нужно найти и вернуть как можно скорее, до того как она попадёт в настоящую беду?

Домашняя, не знающая жизни девушка в городе, полном опасностей! Таким дурочкам одна дорога — в квартал сорванных цветков. Поймают, надругаются, продадут...

Дура!

Есть в кого.

Закивали... как болванчики.

Ладно, госпожа Рат. Но губернатор, чтоб его! Как он может управлять вверенной ему территорией, если даже с дочерью не справился?! Сколько лет она водила их за нос? Три года, четыре?

Я беру кольцо и надеваю на палец.

Будь кольцо инициировано, Дженсен бы просто не смогла от него избавиться, но и без инициации оно не бесполезная навеска. Остаточный след сохранился, и я вполне отчётливо ловлю направление.

— Но кто такой Рик? Я не представляю, к кому она отправилась, — господин Рас смотрит на меня, будто ждёт, что я в курсе его семейных дел.

Вот же вляпался с браком...

— Важно не к кому, а куда, — рывкаю я. — Я сам её найду и приведу.

Господин Рат мямлит что-то протестующее, даже сейчас больше беспокоясь о том, что я не стану церемониться с

Дженсен, чем о том, что с ней может произойти, если я уступлю поиск здешней неповоротливой страже.

Ему следовало раньше думать, а сейчас я не позволю этому куску идиота мне мешать. И с невестушкой поговорю с глазу на глаз, поговорю так, как положено говорить с изменницей. А потом уже сдам с рук на руки семье.

Если повезёт, найду её вместе с Риком...

Собачий выкидыш, тебе не следовало приближаться к моей невесте! Урою.

От экипажа я отказываюсь, приказываю заседлать коня — верхом быстрее. Мне очень не нравится, с какой скоростью отдаляется моя невестушка. Вероятно, она тоже на лошадях. Чем дальше она уедет, тем слабее я буду чувствовать направление.

Конь подо мной недовольно фырчит, прядает ушами. Я трогаю его бока пятками и посылаю в галоп, благо проспекты центра города широкие, есть, где разогнаться и никого не затоптать, но очень скоро приходится замедлиться.

Куда её несёт?!

Неужели...?

Если я прав, а я прав, невестушка направляется в сторону порта. Решили сбежать из города? Ну, верное решение, которая им всё равно не поможет. Успокаивает, что Дженсен, вероятно, не одна, а под присмотром.

— Куда прёшь? — возмущается позади какая-то торговка.

Сказал бы я ей, что не надо со своим заляпанным лотком лезть под копыта всаднику.

Впереди появляется здание порта. Я натягиваю поводья, пускаю коня шагом, а сам прислушиваюсь к ощущениям. Незримая нить ведёт меня в порт, я угадал.

Почти догнал. Дженсен совсем близко.

Хорошо, что она не знает, как я выгляжу...

Я спрыгиваю на землю, отдаю коня подскочившему мальчишке.

— На нём клеймо Рат, собственность губернатора, — предупреждаю я и подкрепляю предупреждение монетой.

— Позабочусь в лучшем виде, господин!

Я уже не слушаю, вхожу в здание, и очень быстро понимаю, что в вестибюле беглецов нет, нить ведёт дальше, в пассажирский зал ожидания, только вот в зал без билета хода нет. Использовать своё имя и становиться посмешищем я точно не намерен.

— Куда отправляемся, господин? — приветливо улыбается девочка за кассой. В другой раз я бы оценил.

— Ближайшие рейсы? — уточняю я.

— А...

Ещё одна без капли ума!

Перегнувшись через стойку, я выхватываю у неё лист с перечнем сегодняшних отправлений. Почти все рейсы будут по ближайшим островам, и на месте беглецов я бы их не выбирал.

Чтобы попасть в зал мне любой билет сгодится, но на всякий случай я беру на рейс до столицы.

— Отправление через полтора часа, — радостно сообщает кассирша.

— Я уже прочёл.

— Багаж? — деловито уточняет она.

— Нет, — рыкаю я.

Девушка надувает щёки и дальше работает без нареканий — забирает оплату и выписывает билет. Я не прощаюсь, выхватываю билет.

Почти поймал...

Досмотр много времени не занимает, и я попадаю в зал. Нить подсказывает, что Дженсен совсем рядом.

Глава 4

Дженсен Рат

Устроившись за столиком кафе, я лениво наблюдаю за суетой в зале ожидания. Казалось бы... мир другой, а в порту, как в привычном аэропорту, каком-нибудь Шарике или Домодедово, цены задраны до бессовестности. Так сказать, небесная наценка.

Но я заказала чай и булочку не столько ради перекуса, сколько ради того, чтобы не толкаться в толпе. Сiju я просторно, ещё и закинув ногу на ногу. Ни одна даже самая неотёсанная деревенщина так не раскорячится, да и мужчины-аристократ тоже подобной позы себе не позволит. Я же изображаю нахала, мальчишку пронырливого, способного, но напроочь бескультурного. Разве что на пол не сплёвываю...

Побег удался?

Больше всего я боялась “срезаться” на досмотре. Мне безумно повезло с новым именем. Дженсенами бывают не только девочки, но и мальчики. Я предъявила билет, а вместо свидетельства о рождении, где есть вся подноготная по родителям — удостоверение из местного клуба, в котором я состою уже четыре года с хвостиком. Стражи не стали придираться:

— В Лётную Академию?

— Ну да, — кивнула я и щёлкнула ногтем по прицеплен-

ному на жилет клубному значку, изображающему вписанный в круг трёхмачтовый парусник.

Багажа у меня как такового не было, стражи заглянули в “тревожный чемоданчик” и пропустили с миром.

Я делаю очередной глоток и кошусь в сторону табло. Будет два рейса до ближайших островов, на маршруте бегают небольшие одномачтовые челноки, а вот после них небольшой перерыв и мой рейс в столицу.

Наверное, родители уже обнаружили мою пропажу...

Стоило ли в письме упоминать Рика? Я сочиняла второпях, и решила, что тайная влюблённость станет лучшим объяснением моего побега. По крайней мере это то, что родители могут понять. Надо будет сразу по прибытию послать им второе письмо, рассказать, что у меня всё в порядке, наврать про Рике... Уверена, искать меня в Лётной Академии они не догадаются.

Эх, скорее бы.

Что-то я нервничаю.

От скуки и, чтобы отвлечься, я продолжаю осматривать толпу. Лавочку оккупировало большое семейство, их там поколений пять, и я надеюсь, они ждут челнок. Не хотелось бы мне оказаться их соседкой — дети цветы жизни, но любоваться ими я предпочитаю на расстоянии. Слушать крики годовалого малыша всю дорогу... Брр. А куда деваться? Не хочешь слушать — не слушай, либо уши затыкай, либо катись на частных судах.

Чуть дальше грузный мужчина в деловом костюме прижимает к себе кожаный портфель. Этот почти наверняка, в столицу.

Немолодая пара, ещё одна большая семья, три жрицы, и им уступили лучшие места...

Взгляд цепляется за худощавого поджарого шатена, целеустремлённо пробирающегося через толпу. Я буквально прилипаю к нему глазами. Сколько я на него смотрю? Таращусь, пока он не выбирается на свободное пространство прямо перед кафе, где я засела. И лишь тогда, сообразив, что пялиться на незнакомца невежливо и странно, я отвожу взгляд и озадаченно прислушиваюсь к себе. Чем он меня так зацепил? Я бы даже сказала сразил. Он, конечно, симпатичный, но не настолько, чтобы терять разум.

Ответ легко находится. Шатен — хотя теперь уже кажется, что волосы светлее, цвет чистый русый — выделяется осанкой и аурой властной уверенности. Толпа перед ним сама расходится в стороны. Что он здесь забыл не ясно. Слишком холёный, затянут в синий камзол, подогнанный по фигуре. Наверное, камзол пошит на заказ. Парень явный аристократ, и не из последних. Вероятнее увидеть пингвина в Сахаре, чем такого экземпляра в общественной толчее провинциального порта. Но он почему-то здесь. И головой крутит, кого-то высматривая.

Мы встречаемся взглядами, и он морщится, отворачивается, идёт дальше, всем своим видом излучая нетерпение.

Я смотрю ему в спину.

Честно?

На долю мгновения я испугалась — подумала, что он может искать меня. Вдруг это мой жених?! Но нет. Во-первых, подозрительно хорош, слишком хорош для дочки провинциального губернатора, у меня наверняка что-то более простое. Во-вторых, как бы он меня так быстро выследил? Кольцо я сняла. Если предположить, что остаточный след не развеялся, а ещё держится, то жених бы подошёл ко мне, а не продолжал вертеть головой. Нет, он не магией ищет, а глазами.

Не важно...

Жених не муж, увести меня из порта против воли не сможет. И на крайний случай у меня приготовлен запасной план.

Шатен-нешатен так и крутится поблизости, чем меня нервирует, и самое нехорошее начинается, когда объявляют посадку на наш рейс. Почти все, кто в зале, ждут именно столичного рейса, и я пытаюсь затеряться в толпе, но шатен как прилип.

Только мне начинает казаться, что его от меня оттёрло, как я замечаю его в паре шагов слева. Ускоряюсь — он оказывается уже правее, но по-прежнему впереди. Я нарочно замедляюсь — он тоже позволяет другим себя обогнать.

Я решаюсь на финт ушами.

Помимо клубного значка у меня есть круглая бляшка от Альянса “Открытое небо”, а она даёт право прохода в отсек, примыкающий к командной рубке, так что разойдёмся мы с

шатеном как в море корабли.

На повторном досмотре, предшествующем посадке, он оказывается впереди, и я вижу, как он несколько раз оглядывается. Снова закрадывается подозрение, что он ищет меня. Кого ещё? Но мало ли... Пусть дальше ищет, если он и по мою душу, то он меня не узнал. Я подбираюсь чуть ближе, убеждаюсь, что у него обычный билет, и его ждёт даже не верхняя, а нижняя палуба. Судно обещает быть битком, он ухватил явно один из последних билетов.

Подходит моя очередь на досмотр.

— Добрый день, — здороваюсь я, с готовностью протягивая билет и клубное удостоверение, в котором лежит вложенное рекомендательное письмо в Лётную Академию, моё козырное комбо.

— О, перед нами будущий командир? — добродушно усмехается страж.

Здесь мне тоже везёт, никто не требует свидетельство о рождении, в котором ясно написано, что я не сын четы Рат, а дочь.

Разгильдяйство, если честно. Зато багаж досматривают тщательно, не придраться.

— Уже, — подмигиваю я стражу.

— Проходи, командир “Уже”. Молоко мамкино со рта вытри, прежде, чем командировать будешь.

— Пфф!

Что такое сервис, стражи не слышали. Ну да ладно, одна-

жды им придётся выучить страшное слово “клиентоориентированность”. Возможно, кто-то сляжет с переломом языка при попытке выговорить... И без разнице, что костей в языке нет, ломать нечего.

Я прохожу под аркой, и попадаю на Первый причал.

Всего причалов три, по числу взлётных каналов. Да-да, мир, куда я угодила, сумасшедший. Здесь есть авиация, но летает она не на керосине и даже не на магии, а на божественном благословении. На вид парусники самые обычные, они разгоняются в водном канале и... поднимаются в воздух.

Спроси меня пять лет назад, как я представляю себе другие миры, я бы чётко сказала, что это другие планеты, но вот насчёт моего нового мира я не уверена — планета ли?

Несколько веков назад этот мир оказался на грани катастрофы. Океаническое дно провалилось в Бездну, и из Бездны сперва в океан, а затем на сушу хлынули демоны и эманации чужеродной губительной силы. Мир погибал стремительно, у людей не было шансов. Первыми отреагировали богиня рек и её муж, бог войны. Они попытались остановить выплеснувшуюся из Бездны лавину, но их смело, как сквозняк смахивает бумажные фигурки. Многие боги предпочли спастись бегством, а вот Близнецы-Ветра нашли решение. Они вырвали центральную часть континента и подняли в воздух.

Континент, точнее, его часть, в процессе небесной эвакуации развалился на крупные и не очень куски, впоследствии ставшие летающими островами.

Губернатором одного из таких островов отце Дженсен господин Рат. Поправочка — он мой отец.

Что касается полётов, то поначалу люди пытались строить мосты, иногда более-менее надёжные, иногда верёвочные, но острова дрейфовали, они и сейчас дрейфуют и даже иногда сталкиваются. Мосты рушились, пешеходов и экипажи нередко сдувало в Бездну, и тогда, увидев тяготы людей, Близнецы-Ветра откликнулись, пришли на помощь снова и даровали парусникам своё благословение. С тех пор отмеченные богами суда могут летать.

И сегодня мне предстоит прокатиться на трёхмачтовом крутобоком красавце, уже развернувшем белоснежные паруса.

У трапа встречает улыбчивая бортпроводница. Взглянув на мой билет, она приветливо сообщает:

— Нижняя палуба.

— Не-а, — развязно хмыкаю я. — Отсек у рубки.

Бляшка Альянаса “Открытое небо” действует безотказно.

— Верхняя палуба, по проходу до конца, и дальше вас направит моя коллега.

— Спасибо.

Может, я совершаю ошибку? Женишок по остаточному следу определит, куда я делась. Дотумкать, к кому именно его тянет, он сумеет даже если совсем тугой. А ведь я трясла рекомендательным письмом. Улизну в столичном порту — всё равно найдёт. Хм...

А вот нет, не найдёт! Потому что я не пойду в Академию.

Вот что хорошего рулить пассажирским парусником? Престижно, но очень скучно. Я предпочитаю малую авиацию. До попадания я очень “Цессну” любила, собиралась осваивать “Тешку”, а в результате уже здесь освоила челнок. Это такое корыто с треугольным парусом.

Помимо рейсовых воздушных судов, есть особые парусники, на которых спускаются к Бездне. Не вся отравленная суша ушла под воду, многое осталось на поверхности, и люди бы рады переселиться обратно, но, увы, долго внизу находиться нельзя — не демоны порвут, так эманации отравят. Именно из-за эманаций нельзя находиться внизу больше, чем час-два-три.

Короткие вылазки за наземными сокровищами — это тема, на которой убили тысячи авантюристов.

Моя мечта пополнить их число. В смысле авантюристов-везунчиков, а не тех, кто убился. К тому же именно для командира воздушного судна в таких вылазках риск минимальный.

Из мечтаний я вынырываю, когда рядом кто-то садится. С очень нехорошим предчувствием я медленно отрываю взгляд от открывающегося из иллюминатора вида на причал, на котором заканчивается посадка, поворачиваю голову.

Рядом со мной плюхнулся он. Тот самый шатен в синем камзоле. Теперь я точно вижу, что всё-таки он русский. Шатеном он кажется из-за причёски — волосы слишком сильно

зализаны назад, словно гелем намазаны.

Холёная мордуля, злой прищур тёмных глаз и кривая ухмылка на чётко очерченных губах. Меня окутывает древесный аромат его парфюма. Приятный запах.

Но это не значит, что я рада соседству! Надо же, выполз с нижней палубы... Наверняка либо банально заплатил бортпроводнице, либо тоже какой-нибудь бляшкой помахал.

ТЬФУ!

Мы встречаемся взглядами...

Глава 5

Милан Авей

Рядом, невестушка где-то рядом.

Чем ближе я подхожу, тем слабее чувствую направление, незримая нить растекается в такое же незримое облачко тумана, но Дженсен это не поможет, потому что в зале я её точно найду, никуда она не денется.

Плохо, что я очень смутно представляю, как она выглядит. Да, к её совершеннолетию, как и до этого к шестнадцатилетию, мне прислали портрет. Но я не настолько наивен, чтобы верить кисти художника. Как сказал мой дядя, когда увидел изображение в рамке на моём столе, мастерство портретиста в том, чтобы и жабу изобразить симпатичной. Девушка на портрете была очень... приятной, но всё, что я о ней знаю, это то, что она светловолосая. Золотистый блонд на холсте в жизни вполне может оказаться мышинным русым, но точно не иссиня-чёрным или огненно рыжим.

Я ищу пару. Дженсен уходила не одна. Через окно её явно вывел Рик, а значит они вместе. Возможно, к ним присоединился кто-то ещё? Но большой их компания точно не будет.

Взгляд цепляется за нахалёныша, развалившегося за столиком кафе. Худющий заморыш, а сидит с видом хозяина жизни. Ещё и знак местного Воздухоплавательного клуба на жилет прицепил. Показушник демонов.

Не знаю, почему он меня разозлил. Самый обычный выскочка, таких сама жизнь наказывает... Может, зацепил встрёпанными льняными волосами? Издали, заметив белую макушку, я рванул в уверенности, что догнал, а разглядев, осознал ошибку.

Я наворачиваю круги по залу, но невестушка будто невидимкой стала, а нить между тем слабеет. Ещё немного, и совсем растает.

Объявляют посадку, приглашают на выход.

И с людьми происходит что-то странное. В мгновение я оказываюсь зажат в толчее, хуже, чем базарной. Толпа прёт к арке выхода, пока не стопорится заграждением стражей — пропускают всё равно по одному, проверяя каждого полностью, правило три года назад продавил Альянс “Открытое небо” и умудрился навязать всем перевозчикам и портам, а не только членам Альянса. И очевидно, что пока всех не проверят, не загрузят, судно никуда не двинется. Так зачем ломаться? Места по количеству билетов... Пустые размышления.

Но отвлёкся я с пользой. Я снова чувствую тающую нить, после “переключения” восприятие обострилось.

Поймать бы невестушку на досмотре — но кто мне позволит стоять и глазеть? Придётся объясняться со стражами, а это повод для скандала, который неизбежно станет достоянием света. Нет, меня не устраивает.

Но и в столицу тащиться меня тоже не устраивает, надо

во что бы то ни стало найти её до отлёта и успеть покинуть судно. Такой выход объяснить легче лёгкого — девушке стало дурно, тонкая душевная организация, все дела...

Решившись, я вливаю в нить собственную магию. Нить таким образом погибнет быстрее, зато в последние минуты существования будет яркой, как путеводная звезда, а не размытой кляксой, указывающей во все стороны разом.

Я ловлю направление на верхнюю палубу.

Сам я на... нижней.

— Господин, располагайтесь, — бортпроводница указывает мне на одно из жёстких сидений между полнотелой старой крестьянкой и сальным замухрышкой, немного осоловевшим от хмельного поила.

Рядом — не сяду. Им жизни не хватит, чтобы оплатить чистку моего камзола, который они своими штопаными трапками запачкают.

Нижняя палуба для самой простой публики, но бортпроводница держится не хуже экономки богатого дома. Чувствуется, что прошла хорошую школу. Ещё одно нововведение Альянса — любой пассажир имеет право на вежливость, даже тот, которого выбрасывают с борта за дебош.

— Я предпочитаю более удобные кресла. Отсек у командной рубки, пожалуйста, — несколько мест всегда держат в резерве, билеты на них не продают, так что проблем быть не должно.

Бортпроводница легко принимает моё пожелание, выпи-

сывает дополнительный квиток и принимает оплату.

— Поторопитесь, господа. Скоро взлёт.

— Ага...

Невестушку я чувствую, задержек не будет.

На верхней палубе шесть отсеков и один элитный. Я прохожу насквозь. Надо же, Рик раскошелился на два самых дорогих билета? Почему-то он мне представлялся безденежным пустозвоном. Кто бы ещё стал уводить девушку из дома вместо того, чтобы жениться как полагается, обеспечив ей всё?

В любовь я не верю, это чушь для дурочек вроде моей невесты.

Если интерес не к деньгам её отца, то зачем она понадобилась Рику?

Сейчас узнаю...

Я следую нити, чувствую, как она вибрирует, натягивается. Яркий всплеск, и нить развеивается, но это уже не важно, потому что я нашёл.

Я останавливаюсь у свободного кресла. В соседнем сидит...

Бездна!

В соседнем кресле сидит тот самый выбесивший меня белокрылый мальчишка, сверкает теперь уже не одним, а двумя значками, и второй, от Альянса, объясняет, как он сюда попал. Мальчишка настолько занят иллюминатором, что меня просто не замечает.

Придушил бы.

Я сажусь просто чтобы не маячить в проходе.

Чувствую себя последним идиотом.

Рик, я тебя недооценил, признаю. Мне следовало сразу понять, что побег подготовлен очень тщательно. Скорее всего Рик с Дженсен действительно появились в порту, но они либо на челноке на соседний остров ушли, либо вообще вернулись в город. А нить, прежде, чем уйти, перекинули на мальчишку, вот я об него и спотыкаюсь который раз. Надо признать, ловко. Давно меня так не одурачивали.

Тол вот... Да, Рик, ты продуманный засранец, но не радуйся, ушлёпок, я тебя всё равно достану, и разговор у нас будет особенный.

Мальчишка медленно поворачивает голову и мы сталкиваемся взглядами.

Я не выдерживаю, кипящее во мне раздражение выплёскивается:

— Вырядился! — рыкаю я.

— О-о? — он будто удивляется, словно ожидал от меня чего-то ещё, а не претензий к внешнему виду.

— Думаешь, нацепить значок, чтобы командовать судном, достаточно?!

Чего я к нему прицепился?

Сам себе объяснить не могу. Мальчишка ведь наверняка “жертва”. По нему хорошо видно, что летит в столицу, цвет волос совпадает — вот и скинули на него как на лучшего

кандидата.

На задворках сознания крутится мысль, что, возможно, мальчишка и есть Рик, но нет. Какой смысл перетягивать нить на себя, когда её нужно сбросить? И куда бы он дел Дженсен? Нет, он не Рик. Я, конечно, для порядка проверю, однако заранее понимаю, что это будет пустая трата времени. Но небрежности допускать нельзя. Не тогда, когда речь о жизни и безопасности моей невесты.

— Ну... ты вот думаешь, что камзол нацепить достаточно, чтобы своей глупостью других грузить.

Ещё и огрызается.

Ладно, раз с характером, сделает доброе дело — послужит громоотводом для моего раздражения.

Такого наглеца за штурвал пускать нельзя, и себя и других угробит. Да я бы ему ботинки чистить не доверил!

— В Лётную Академию поступаешь? Забудь, — ухмыляюсь я. — Будешь сдавать на квалификацию заново, уж я постараюсь.

— О-о? Да хоть сейчас, — и мальчишка отворачивается к иллюминатору.

Тупейшая перепалка, на которой я бездарно потерял драгоценные мгновения.

— Уважаемые пассажиры, пожалуйста, убедитесь, что вы пристёгнуты. Мы готовы к разбегу и взлёту.

Рядом оказывается бортпроводница и с извиняющейся улыбкой застёгивает на мне пряжку ремня безопасности. То-

же Альянс продавил — с появлением ремней травм на рейсах стало в разы меньше.

Бездна!

— Подождите!

На борту мне делать больше нечего, я тянусь, чтобы растянуть пряжку, встать и потребовать снять меня с рейса. Раз невестушки на борту нет, истинная причина скандала останется тайной.

Но я не успеваю. Вторая бортпроводница — на наш отсек их две — уже отчиталась перед командиром судна.

— Уважаемые пассажиры, говорит командир воздушного судна. Мы начинаем разбег.

“Моя” бортпроводница спешно садится.

Почти сразу я чувствую рывок, меня мягко вдавливают в спинку кресла.

Прямо сейчас взлёт никто не прервёт. Пока моё требование дойдёт до командира, парусник уже не только разгонится, но и пройдёт две трети длины канала, значит тормозить будет смертельно опасно. Расстояния не хватит, судно пробьёт носом ограничители и свалится в Бездну.

Единственный вариант — полноценный взлёт и посадка.

Придётся сидеть, терять время дальше и смотреть на профиль бесящего меня безмятежного мальчишки. Внешность у него для парня смазливо-приторная, а сам заморыш худющий. Зато гонору как у самого толстого индюка. Нет уж, проверку квалификации я ему устрою, всё равно выяснять, кто

он такой и как подцепил нить.

Опять я об этом выскочке?

За иллюминатором узкая полоса водной глади и зеленый трвяной ковёр, тянущийся вдоль канала.

Парусник разгоняется, набирает скорость. Я чувствую, как задирается его нос. Отрыв, и мы над островом. Точнее, над краем острова. Я успеваю увидеть, как за стеклом мелькнул скалистый обрыв, и всё, под нами больше не земля, под нами Бездна.

Глава 6

Дженсен Рат

Не худший у меня сосед, не худший. Это я себя так утешаю. Мог попасться какой-нибудь дышащий перегаром кабан, залитый хмелем по самые уши, а этот просто рожи корчит надменные. И чего прицепился вообще не ясно.

Вид ему мой не нравится, ха! За штурвал он меня не пустит — дважды ха!

Я между прочим его тушку возить и не собираюсь. Ну его, пусть хоть лопнет. Лучше в иллюминатор смотреть. Зря я что ли у стеночки устраивалась?

Взлёт проходит обычно. Божественное благословение надувает паруса, парусник разбегаётся по каналу, и отрыв от поверхности едва ощущается. Мы почти сразу оказываемся над Бездной. Лёгкий крен — парусник забирает левее. Сейчас мы вырвемся на открытый простор и начнём снижение.

Корабль ни разу не самолёт, про герметичность деревянное корыто ничего не знает и к большим высотам банально не приспособлено. Нет, в теории парусник легко пробыёт облака и пойдёт над ними, но, простите, что в это время будет с пассажирами? Командир доведёт сосульки. То есть не доведёт, потому что сам в такую же сосульку превратится. Проблему высоты местные решили просто — они не забираются вверх, а идут наоборот под островами. И тут главное чёт-

ко соблюдать высоту. Снизись к океану — нахлебаешься отравляющих эманаций Бездны. А в худшем случае ещё и на летающих демонов нарвёшься, тогда всё, конец. Без шансов.

Мы снизились аккуратно, почти без тряски — с погодой сегодня повезло. Сейчас встанем в воздушный коридор...

— Барышня, будьте любезны! — вскинув руку, громогласно зовёт мой сосед.

Что за нетерпёж? И ведь даже артефактом связи воспользоваться не удосужился.

— Это делается вот так, — сообщаю я и зажигаю лампочку. — Неужто первый раз летите?

Он пронзает меня гневным взглядом.

Я усмехаюсь.

— Господин, чем я могу вам помочь? — появление бортпроводницы пресекает перепалку в зародыше.

— Личные обстоятельства, — хмуро поясняет он. — Мне требуется немедленно вернуться на остров.

— Что, простите? — переспрашивает она.

У меня такое же состояние. Что, прости? Ты, дружище, берега попутал или голову дома забыл? Насчёт головы согласна, она такой предмет, что за ним вернуться стоит.

Если он мой жених... Допустим, он пришёл, ориентируясь на магический след, но меня не узнал, принял за мальчика и закономерно решил, что ошибся. Разве след не должен был уже развеяться? Так вот, кем он себя возомнил, что считает возможным разворачивать рейс на сотню пассажиров как

ему вздумается?! Нет, мне такое индюшачье чудо в перьях не надо.

— Мне нужно вернуться на остров, — спокойно повторяет он и с ленивой вальяжностью взмахивает кистью жестом повелителя.

М-м-м... пальцы как у пианиста, длинные и тонкие, моя слабость.

— Господин.

— Барышня, я не прошу сажать ваше корыто обратно. Передайте командиру, пусть свяжется с “Синей розой”. Меня устроит стыковка.

Даже так?

Парусники не самолёты, и пересадки с одного судна на другое прямо в воздухе для здешних обычное дело. Есть, например, россыпь малых островов. Площади дефицит, влётно-посадочный канал один, да к тому же узкий и короткий, большой парусник не сядет, банально не поместится. Как поступают в этом случае? Очень легко! Пассажиров собирает челнок и доставляет на парусник.

— Господин.

— Передайте. Принимать решение ведь не ваша обязанность, верно?

Бортпроводница сдерживается, но заметно, что сохранить бесстрастное лицо и приветливую улыбку стоит ей усилий.

— Я доложу, — обещает она, разворачивается и действительно уходит в рубку.

Думаю, сообщит.

А вот какое решение примет командир?

Женишок не потрудился представиться. “Синяя роза”, как я понимаю, его персональная лоханка? Он уверен, что одного названия достаточно, чтобы произвести на командира впечатление и заставить выполнять свои хотелки?

Всё-таки странно. Если он жених, то зачем такому индюку жениться на дочке провинциального губернатора? Ни политической выгоды, ни финансовой. Я даже на роль украшения не особенно гожусь, потому что лишена столичного лоска.

Возвращается бортпроводница.

И выглядит она озадаченной.

— Командир сказал, что свяжется с “Синей розой”. Господин, могу я помочь вам чем-то ещё?

Пфф.

— Держите меня в курсе, сообщите ответ “Синей розы”.

— Да, господин. Я проверю ответ через пять минут, — отвечает она.

Внезапная встряска, парусник слишком резко заваливается на бок. Меня спасает ремень, а вот проводницу от падения удерживает индюк. Поймал и спокойно придерживает.

За первой встряской следует вторая.

Нехотя отстранившись, бортпроводница кое-как добирается до своего кресла и пристёгивается, а я смотрю в иллюминатор. Внизу бескрайний океан, а я не транспортир, чтобы на глаз определять угол наклона, то есть могу ошибаться.

ся, но... Почему парусник выровнялся, странно подёргался и ровно пошёл вниз?! Причём стремительно... Чуть ли не на нос встал. Ладно, я преувеличиваю. Судно из флота Альянса “Открытое небо” и в отличии от неальянсовых, оно оборудовано стопорами. Опустить или задрать нос круче безопасно-го угла просто нереально, сколько рычаги ни дёргай, только предупреждающие сигналы будут орать.

Мы снижаемся слишком быстро, на пределе допустимого. Так низко пассажирские и грузовые парусники не летают! Что за ерунда происходит?

Запрошенная индюком стыковка тут точно не при чём, на стыковку парусник бы наоборот поднялся над островами. Я буквально влипаю лбом в стекло, силясь рассмотреть хоть что-то. Если мы продолжим снижение под тем же углом, то очень скоро нас ждёт кораблекрушение.

Фантазия быстро рисует самые вероятные сценарии катастроф. Возможно, мы разобьёмся о твёрдый континент. Боги выдрали из материка лишь центральную часть, так что земли внизу предостаточно. Собственно, именно нижние земли продолжают обеспечивать летающие острова основными ресурсами. Если же мы шлёпнемся в океан, то вариантов, пожалуй, два. Либо от удара парусник развалится, либо пойдёт дальше в глубину...

Без шансов.

Да что происходит?! Почему не выравнивается?!

Нет, не так. Не важно, что происходит. Важно, что я могу

сделать. Погоду отмечаем, она сегодня радует. Технические неполадки? В смысле, магические? Но судно Альянса проходит тщательную проверку перед каждым вылетом.

Крен начался после того, как из рубки вышла бортпроводница. То есть сразу после того, как командир связался с “Синей розой”.

Я вдавливаю лампочку вызова, но при снижении положено сидеть пристегнувшись, бортпроводница не отреагирует.

— Барышня! — зову я. — Это срочно!

— Кто-то разучился приглашать правильно? — фыркает индюк.

Девушка, цепляясь за кресла, всё же подходит.

— Господин? — обращается она ко мне, но косится на индюка. Похоже, она даже не против упасть при условии, что окажется в его объятиях.

— Вы ведь часто летаете. Такое снижение ненормально. Проверьте рубку.

— Но...

— Проверьте рубку! И не одна.

Я удивлённо поворачиваюсь к индюку. Его поддержка — последнее, что я ожидала.

Бортпроводница бледнеет.

И необходимость проверки отпадает сама собой. Дверь в рубку распахивается, и в проёме появляется мужчина в узнаваемой чёрно-синей форме командира пассажирского воздушного судна. На груди значки, подобные моим. Белоснеж-

ный манжет испачкан чем-то ярко алым.

Страшнее всего его выражение лица, он улыбается совершенно безумно.

— Командиру и его помощнику категорически запрещено покидать рубку, — шепчу я.

— Уважаемые пассажиры, среди вас присутствует князь Милан Авей? — спрашивает мужчина.

— Да, это я, — мой индюк спокойно поднимается. Только вот на индюка он теперь ни капли не похож. Ястреб. Хищный ястреб, готовый к броску.

Командир окидывает его внимательным взглядом, словно подозревает в обмане. Знает князя в лицо? Сумасшедшая улыбка становится не только безумной, но и счастливой. Командир обозначает поклон, из-за наклона палубы это трудно. Из-за его пояса выглядывает окровавленный кортик.

У меня мороз по спине.

— Уважаемые пассажиры, сегодня сама судьба коснулась нашего судна. Мои братья и сёстры уже не один год пытаются низвергнуть князя Милана Авея во славу Тёмной Сиян, однако в столице до его светлости было не добраться. Какое же чудо, что князь взошёл на наше скромное... корыто. Уважаемые пассажиры, мой помощник уже мёртв, я рад сообщить, что вас никто не спасёт. Уважаемые пассажиры, наше судно отправилось в свой последний полёт. В Бездну! Во славу Сиян!

Неуловимое движение, и он вонзает лезвие кортика себе

в горло по рукоять.

Пилоты мертвы, оба. Неуправляемое судно летит в Бездну.

Глава 7

Не может быть, что это происходит со мной...

Я не хочу умирать снова! Сомневаюсь, что мне выпадет ещё один шанс оказаться в чужом теле.

В отсеке крики, сзади вскакивает мужчина и случайно цепляет меня за волосы. Лёгкая боль помогает выйти из ступора. Я оглядываюсь и заставляю себя выдохнуть. Парусник не падает, он снижается. Итог один, но разница принципиальная. Пусть у нас нет шлюпок, но я могла бы накрутить штурвалом крен. Люди успеют выпрыгнуть в воду до крушения. Придётся побарахтаться, но есть шанс, что нам пришлют помощь. По крайней мере по правилам Альянса диспетчеры ведут рейс на всём протяжении маршрута, то есть о том, что мы терпим крушение уже известно.

Я прижимаюсь к иллюминатору, чтобы оценить высоту и прикинуть запас времени. Сероватая дымка за стеклом подсказывает, что мы уже ниже безопасной отметки, дышим отравляющими эманациями.

— Сидеть, — рявкает князь.

По ушам бьёт тишина. Не знаю, как у него так получилось, но замолчали все и разом.

Я отворачиваюсь от иллюминатора.

— Бездна...

Эвакуировать отсеки нижней палубы я точно не успею. Но

это и не требуется. Относительно безопасно прыгнуть можно только в воду, а под нами твердь континента. Смертельно не повезло.

— Мы умрём, мы все умрём, — бортпроводница подскакивает к телу командира и под рёв, размазывая слёзы и потёкшую по лицу косметическую краску, принимается остервенело пинать его сначала мысками туфель, потом каблуками.

— Есть идеи? — спрашивает меня князь.

— Внизу земля, какие тут могут быть идеи?! Пшёл вон.

Бесит он. Хоть и помогает. По крайней мере порядок в отсеке навёл, только бортпроводница с ума сходит.

Я отцепляю ремень безопасности, поднимаюсь. И едва не наворачиваюсь — парусник явно попал то ли в околосемное вихревое течение, то ли в воздушную яму. Ни один вариант мне не нравится. Князь ловит меня за шкурку, неприятно встряхивает и на вытянутой руке относит в рубку... как нашкодившего котёнка.

И даже не брыкнуться.

Кресло помощника занято... телом. Командир, прежде, чем начать самоубийственную смену курса, убил его ударом кортика в шею.

Кровь повсюду.

Пока я осматриваюсь, князь действует. До меня долетает хлопок звонкой пощёчины, и я слышу, как бортпроводница набрасывается уже на князя:

— Это всё из-за вас! — истерично кричит она. Лёгкая пощёчина её не успокоила.

Запаса высоты почти не осталось. Я устраиваюсь в кресле и кручу регулятор спинки, потому что комфорт важен. Без комфорта я потеряю в точности.

Сирена орёт. Звук резкий, похожий на криканье клаксона. Знать бы ещё что именно не нравится контролирующему артефакту: угол наклона, высота? А вот новый сигнал я “считаю” — его выдаёт система эхолокации, и означает он, что земля недопустимо близко.

Мы вот-вот разобьёмся.

Я обхватываю ладонями обтянутый шершавой кожей штурвал и мягко тяну на себя.

Проблема не в том, чтобы задрать нос и пойти наверх. Проблема в том что паруса развёрнуты в конфигурацию снижения. Если я попытаюсь пойти наверх, мы банально свалимся. Железное правило для всех судов независимо от размера: сначала паруса — потом штурвал. Только так и никак иначе.

Я нарушаю. Но нарушаю с умом. Я поднимаю нос настолько плавно, насколько это возможно, беру курс параллельно земле. Снижение продолжается, но оно микроскопическое. Я оттянула неизбежное крушение и выиграла время.

Разница в габаритах — мелочь.

Мне незнакома почти вся “начинка” рубки. Штурвал — да. Я опознаю горизонт и артефакт связи. Догадываюсь, что

гигантская панель с сотней клавиш как раз и отвечает за паруса, но я вообще не представляю, куда там жать, в челноках куда проще.

Мы недопустимо низко, а впереди возвышенность, которую мы собираемся протаранить.

Чёрт-чёрт-чёрт!

Каждый манёвр — риск, но я забираю вправо.

Я смотрю только вперёд, но всё равно чувствую, как из соседнего кресла исчезает тело убитого помощника. Рядом, не боясь запачкать свой щёгольский камзол, садится князь.

— Спокойнее, ты отлично справляешься, — его уверенность придаёт мне сил, но я всё равно срываюсь.

— Я хожу на челноках! Ты понимаешь разницу между корытом и большим пассажирским двухпалубным парусником?! Это всё равно что крестьянину вместо картошки дать на разведение фиалку!

— Мы всё ещё теряем высоту?

— Хочу сесть в океане, — объясняю я. — Два-три часа, и за нами придут.

— Просто набери высоту.

— Это не просто. Нам бы до воды дотянуть.

— Прости, но у нас и часа нет. Слева мелькнул рой демонов. Нас нагонят и порвут до того, как придёт помощь. Набирай высоту. С любыми рисками.

Дуболом демонов!

Нельзя её набрать, нельзя!

— Мне нужно хотя бы четверть часа, — прошу я.

— Десять минут. Дольше я их не задержу, — он поднимается, и я слышу хлопок двери.

На миг я невольно оборачиваюсь. Именно рубка защищена. Если ничего не предпринять, демоны пробьются в отсеки верхней палубы и прежде всего пострадают пассажиры. Князь мог оставаться в безопасности со мной и спокойно ждать набора спасительной высоты, ведь за пятнадцать минут в рубку демоны не пробьются, но князь предпочёл рискнуть собой.

Вообще не индюк...

Я хлопаю по артефакту связи:

— Рейс двенадцать-сорок, мейдей! Мейдей!

А в ответ тишина. Почему — загадка. Возможно, перед смертью командир сбил настройки. Работает магия, но принцип то же, что и у радиосвязи, то есть командир общается с диспетчером на определённой частоте.

Частоте, которую я не знаю, а искать бесполезно — слишком долго.

Я выкручиваю рычаг в крайнее нижнее положение.

— Мейдей! — ору я. Если это не сработает...

Переживаю я зря, аварийная частота не подводит.

— “Открытое небо” на связи! — откликается бодрый голос.

— Рейс двенадцать-сорок, командир убил помощника, задал курс на снижение без ограничений и покончил с собой.

В рубке пассажир, у меня есть опыт управления челноками,
— докладываю я.

— Понял вас. Медленно потяните штурвал на себя, возьмите курс параллельно земле, не пытайтесь взлетать.

— Уже. Но я продолжаю терять высоту.

Приятно узнать, что я действую верно.

— Вы наблюдаете большую воду впереди? Сможете дотянуть? Рекомендую посадку и ожидание помощи.

— Воду не вижу, на хвосте большой рой демонов. Времени ждать вообще нет. Мне нужно выставить паруса в позицию нейтрал, а я понятия не имею, как это делать.

— Рейс двенадцать-сорок, вы видите перед собой большую панель с клавишами? — тенор сменяется басом. Видимо, меня “перекинули” с дежурного диспетчера на инструктора, который досконально знает тип парусника, на котором мы идём.

— Вижу.

— Найдите красный шар на ножке и вдавите в панель. Он в дальнем правом углу под стеклянной крышкой.

У меня две руки! И обе заняты штурвалом. Невовремя князь сбежал.

Я выполняю указание:

— Вдавила.

— Под шаром длинная шкала, под ней только что зазглись названия конфигураций. Нейтральная посередине. Выставьте ползунок в центр и нажмите на него. В шаре спра-

ва...

— Шара нет.

— Сфера...

— Я знаю значение слова “шар”, и на челноках шар тоже есть! Но здесь его нет. Есть пустая лунка.

Инструктор обогащает мои знания языка особенно заковыристой бранью, а мне остаётся ориентироваться на эхолотацию. Я нахожу окошко с циферками, показывающими высоту. Если раньше они медленно убывали, то теперь застыли, не меняются.

— Попробуйте оценить положение визуально. Вы снижаетесь?

Эхолотация — коварный костыль. Он показывает фактическое расстояние до земли по вертикале. То есть судно может идти ровно, а цифры всё равно будут прыгать из-за особенностей рельефа, расти на впадинах и уменьшаться на горочках.

— Демоны! На одиннадцать часов вижу рой демонов.

— Поворачивайте вправо, вырубивайте.

— Справа лес, сядем брюхом на ёлки. Паруса, мне нужны паруса!

— Ползунок в третью позицию справа и чуть-чуть штурвал на себя. Как только набор высоты начнётся, потихоньку задирайте нос.

— Выполняю.

Автопилот или, по-здешнему, самопилот, величайшая

вещь. Я ни за что бы не выбила по клавишам правильную последовательность изменения конфигурации парусов. Вместо меня это делает контролирующий артефакт. Моё дело прислушиваться к судну, плавно набирать высоту. Только вот паруса теперь стоят “как в учебнике”, без корректировки с учётом воздушных течений, а значит не паруса будут помогать мне, а я — подстраиваться под них. Например, нос задрать по максимуму нельзя, придётся держать не выше “классических” пятнадцати градусов против теоретически разрешённых тридцати. То есть взлетаем мы в два раза медленнее, чем могли бы. А ведь ниже десяти градусов тоже нельзя, иначе свалимся.

Я ведь ни разу не транспортир, как мне на глаз с точностью до градуса мерить и удерживаться в “пятиградусном окошке”?!

— Рейс двенадцать-сорок, доложите, как у вас?

— Набираем высоту.

— Воздух без эманаций демонам неприятен, они отстанут до того, как вы поднимитесь до безопасного уровня, даже раньше.

Парусник сотрясается всем корпусом. То ли удар, то ли воздушное течение. Возможно, демоны добрались — за стеклом всё ещё серая дымка, так называемое дыхание Бездны. Я рискую и ещё чуть-чуть приподнимаю нос. Оравшие сирены давно заткнулись, и раз они помалкивают, значит увеличить наклон можно.

За стеклом проносится крылатая тварь. Я не успеваю разглядеть подробностей, лишь вижу, что она кувыркается в свободном падении. Князь подбил?

Похоже, у него там жарко, а я ничем не могу помочь.

Глава 8

Милан Авей

Как только мальчишка с унылой обречённостью поминает Бездну, я окончательно уверяюсь, что судно погибнет, шансов нет.

Неотёсанный бесячий нахалёныш оказался не таким уж и выскочкой — по крайней мере в воздухоплавании он разбирается. Бортпроводницы с опытом ежедневных перелётов ничего не заподозрили, а он потребовал проверить рубку до того, как командир вышел и перерезал себе горло. Впрочем, уже тогда было поздно.

Я отказываюсь принимать неизбежное, перебираю в уме самые нелепые варианты. Попытаться спрыгнуть на небольшой высоте? Мы идёт над землёй, прыжок окончится с тем же финалом, что и крушение парусника. Даже наоборот, именно в паруснике есть крошечный шанс пережить падение. Может, попытаться связаться с “Синей розой”? Но толку? Нас не догонит даже самое быстрое судно, заточенное на “нырки” в Бездну.

— Есть идеи? — на что я всё ещё надеюсь? Но ведь надеюсь.

Мальчишка удивляет. Обругав меня, нахал поднимается и едва не падает из-за наклона палубы. Я ловлю его и провожаю в рубку. Не к месту, но я невольно поражаюсь, какой он

лёгкий — вообще ничего не весит, скелет и кожа.

В чём только душа держится?

То, с каким спокойствием мальчишка обустраивается в рубке, обескураживает и одновременно вызывает уважение. Нахалёныш даже сейчас остаётся верен себе — он не хватается за штурвал, а без суеты отлаживает командирское кресло, регулирует спинку, устраивается с комфортом и похозяйски. И лишь затем он крепко обхватывает штурвал необычайно тонкими пальцами с аккуратно подпиленными ноготками.

Парусник послушно поднимает нос, падение останавливается.

Да уж, внешность обманчива. Мальчишка носит значок воздухоплавательного клуба абсолютно заслуженно.

Надо будет... извиниться?

Я выхожу из рубки, чтобы проверить отсек — удар с тыла последнее, что нам нужно.

Бортпроводница так и пинает тело командира. Женщина в истерике, и вот-вот, глядя на неё, остальные впадут в панику. Я не хотел, но.... я несильно хлопаю проводницу по щеке. Была бы под рукой вода, плеснул бы воды.

Отвлечь женщину от тела командира мне удаётся. Она замирает, смотрит на меня пустыми глазами. На миг её взгляд становится осмысленным. Женщина дёргается в попытке освободиться из захвата.

— Это всё из-за вас! — выкрикивает она и замахивается,

выставив скрюченные пальцы на манер хищной птицы.

Я ловлю проводницу за запястье и рывком сажаю в кресло, насильно пристёгиваю.

— Уймись! — рявкаю я, хотя в глубине души признаю её правоту.

Культ Сиян давно пытается меня достать. Именно поэтому я отсиживался в столице, был предельно осторожен, не наносил визитов господину Рату — опасался, что приведу в их дом проблемы, опасался, что пострадает Дженсен. Как показала жизнь, правильно поступал.

Если бы я не появился на борту, если бы я не привлёк к себе внимание командира...

Если бы службы безопасности проверяли персонал тщательнее...

Люди пострадали из-за меня, но не по моей вине.

Возможно, через командира удастся выйти на след других членов культа?

— Я присмотрю за ней, — робко обещает вторая бортпроводница.

— Оставляю это на вас.

Я возвращаюсь в рубку.

Мертвецу в кресле делать нечего, я освобождаю место для себя, сажусь. Жаль, что я ничем не могу помочь. Мальчишка сражается за наши жизни. Парусник идёт над землёй. Подняться мальчишка не пытается. Хочет сесть в океан? Наверное, это разумно. Он отлично справляется, но надо помнить,

что управлять большими воздушными судами он не обучался.

Тихое шипение и ругань сквозь зубы мне очень не нравятся. Мальчишка явно увидел какую-то проблему, которой не вижу я.

— Спокойнее, ты отлично справляешься, — пытаюсь я подбодрить.

В ответ я получаю многословную тираду да ещё и на повышенных тонах. Пиетета перед титулом нахал явно не испытывает. И мне это... нравится? Не сам тон, не то, что на мне срываються, а... Да какое мне дело?! О чём я вообще сейчас?

Я отмечаю подозрительное движение справа. Мальчишка то ли не видит — он сосредоточенно смотрит вперёд, почти не моргает и злобно сопит — то ли не понимает, что видит.

Парусник привлёк крылатых демонов, нам не повезло — поднимается целый рой. Не самый крупный, насколько я могу судить, но это может быть просто авангард стаи.

Бездна!

— Прости, но у нас и часа нет, — выдыхаю я в ответ на объяснение мальчишки.

Сесть в океан, дождаться помощи — отличный план, но демоны вскроют парусник как картонную коробку. Когда помощь придёт, живых не останется. Я кратко обрисовываю мальчишке наше незавидное положение, команду набирать высоту с любыми рисками и покидаю рубку.

Я прекрасно осознаю, что резкий набор высоты вряд ли

возможен, поэтому я попытаюсь выиграть для нас время. Повезло, что рубка на верхней палубе, бежать недалеко. Правда, люк задраен, и приходится повозиться. Я бы вышиб, но нельзя — люк, хоть и ненадёжная, но хоть какая-то дополнительная защита.

Выбравшись, я ремнём присёгиваю себя к мачте, иначе рискую сверзиться. И лишь затем оглядываюсь. Рой, который я заметил из рубки, догоняет быстрее, чем мне хотелось бы, а в другой стороне маячит ещё один рой, и это совсем скверно.

Приятным сюрпризом становится раскрытие магического купола. Не знал, что на пассажирских парусниках такие ставят. Парусники ведь не спускаются в Бездну.

Первые демоны ударили в купол.

Низшие летающие твари. Разумными их не назвать, но интеллекта в крепких черепушках всё же больше, чем у животного. Опасными низшие твари не считаются. Только вот не в нашем положении, когда их больше сотни, а у нас ни возможности взлететь, ни надёжной защиты, ни отряда боевых магов.

Идею поискать помощи среди пассажиров я отбросил сразу — маги едва ли окажутся в отсеках нижней палубы. Зачем им тесниться с чернью в духоте? А вот панику спровоцировать легко. Внизу и в отсеках верхней палубы, кроме примыкающего к рубке, а катастрофе никто не знает, и пусть так остаётся как можно дольше.

Твари отскакивают, их яростный визг бьёт по ушам. Обожгло, но не покалечило.

Чуть выше, хлопая серыми кожистыми перепонками, поднимается лысое морщинистое подобие очень большой обезьяны — вожак. Его рёв, низкий, утробный, оглушает. И твари бросаются вперёд, визжат от боли, но задние напирают, и передних вдавливают в щит.

Не обращая на них внимания, я выбираю целью вожака, точнее, его крылья. Толстая грубая кожа почти не пробивается оружием, а вот от магии защищает слабо, особенно если бить по уязвимым местам, и одно из них — складка, образующаяся между телом и верхними лапами.

Удар.

Заорав, демон кувыркнулся, забил всеми конечностями разом и пропал с глаз — выбыл.

Не удивлюсь, если после падения он выживет и даже не особенно поламается, но здесь и сейчас про него можно забыть.

Падение вожака действовало как надо — твари занервничали, напор ослаб, и те, которых обожгло, с визгом бросились врассыпную, а оставшиеся нелепо заметались. Всё, рой не опасен. Смелости обжигаться у рядовых не осталось. И они бы пошли вниз.

Только вот на купол обрушивается второй рой. Новый вожак подгоняет тварей рёвом, и своих, и остатки чужого роя, однако сам держит безопасную дистанцию. Ещё и прикрыва-

ется от меня парусами, так что достать как первого не выйдет. Новый явно матёрый.

Я атакую и даже попадаю, но пробить шкуру с одного удара не выходит.

Вожак обрушивается на купол, орёт. Его хвост изгибается, из крысиного кончика выскакивает жало. Я посылаю воздушный кулак — чтобы хотя бы откинуть тварь. Но вожак успевает и увернуться, и ткнуть жалом в купол.

Я вижу, как набухает чёрно-серая капля и как от неё ручьями во все стороны растекается чужеродная магия. Сбоку налетает третий рой, а позади появляются преследователи, но те хотя бы пока далеко.

Купол лопается.

Я встречаю посыпавшихся на голову тварей веером молний, буквально оплетаю парусник искрящимся небесным гневом.

Затратно, но твари гибнут, и я получаю передышку.

Парусник уверенно идёт ввысь, нахал справился с задачей. Я уже вижу просвет, а самый опасный рой вроде бы отстал и больше не преследует.

Нападают сбоку, и самое гадкое, что я их до последнего не видел — их прикрывали борта парусника. Я то сам почти по центру.

Я встречаю новых тварей молниями. Огнём было бы проще и “дешевле”, но гореть будут не только демоны, но и паруса, и корпус.

Краем глаза я замечаю мельтешение цветных точек, поле зрения сужается, а к горлу подступает тошнота. Я выложил-ся больше, чем рассчитывал... Хорошо, что пристегнулся. Я выкладываюсь до конца, все силы бросаю на гнев небес, выжимаю себя до последней капли.

Я слышу визг и вой демонов, треск молний, чувствую характерный запах перца. Кажется, я чихаю. Я успеваю порадоваться, что достал тварей — перцовая вонь говорит именно об этом, и её ни с чем не спутать.

Я победил?

Зрение гаснет, я проваливаюсь в темноту...

Едва ли беспамятство длится больше нескольких секунд. В себя я прихожу от дикой острой боли в плече. Глаза сами собой широко открываются, и на расстоянии ладони я вижу перед собой морщинистую морду. С клыков течёт белёсая пена.

Когти продолжают рвать руку, и я едва не отключаюсь от боли. Неосознанно пытаюсь отмахнуться. Без толку. Зарывав не хуже демона, я зажмуриваюсь и мысленно призываю родовую реликвию — шпагу, по легенде подаренную моему предку богом войны, тем самым, погибшим вместе с супругой при попытке остановить первую волну демонов.

В свободную руку ложится чуть тёплый эфес, в голове сразу же проясняется, а боль притупляется. Я отмахиваюсь от демона тонким клинком. Никакое обычное оружие не возьмёт дубовую шкуру. Демон на клинок даже внимание не

обращает.

И разваливается, рассечённый надвое.

Я кое-как приподнимаюсь. Надо зажать рану, остановить кровь...

Демонов осталось немного, но все матёрые, а кровь их только заводит.

Меня ужасает состояние парусов — там уже не паруса, а какие-то лохмотья. И одно ближайшее ко мне треугольное полотно рвётся прямо сейчас. Парусник вздрагивает будто живой.

Подъём продолжается.

Просвет близко, и двойка демонов спрыгивают, уходят к земле. А вот трое оставшихся бросаются на меня. Ремень, пристегнувший меня к мачте теперь только мешает. Отцепить пряжку я не успеваю, лишь пригибаюсь, ощущаю над головой ветерок, и когти твари, целившейся мне в голову, выбивают из мачты щепки. Я в ответ колю шпагой. Тварь с визгом отскакивает.

Жаль, замертво не падает. Демоны живучи, какие бы внутренности я ни проткнул, демон нападёт снова. Два других оказываются умнее, они заходят с разных сторон. Рычат, готовясь к броску.

Первый, которого я ранил, пытается нанести укол жалом. Я отсекаю хвост на треть.

Тварь, взвывая, бросается на меня, мешая остальным. Этот меня просто своей массой расплющит.

— Не убивать, — раздаётся в воздухе женский голос, приторный до удушливости. Тошнота возвращается, голову будто железным обручем сдавливает. Хотя женщина говорит на незнакомом языке, я её понимаю. — Привести живым.

Ощущение её присутствия исчезает.

Полагаю, Сиян?

Воспользовавшись заминкой, я достаю одного из трёх демонов. Шпага легко проходит через мощную шею.

Минус один.

Парусник почти достиг безопасной высоты, так что вряд ли пожалуют новые твари. Здесь они нас просто не догонят.

Но два противника, один из которых цел и невредим, второй почти цел, а я ранен и обессилен...

Я стискиваю эфес шпаги. В ушах опять звон. Терять сознание нельзя, только не сейчас...

Демоны перерываются. И тот, что ранен, вновь бросается ко мне, только целью выбирает не меня, а ремень. Отмахнуться не выходит — мешает мачта. А демон захватывает петлю когтями, резко дёргает. Меня вдавливают в мачту, ремень болезненно впивается в поясницу, плечо и вовсе взрывается болью.

Удар по здоровой кисти, шпагу у меня из рук выворачивает.

Матёрые, но интеллекта не хватает. Я почти не сопротивляюсь когтям. Ремень лопаётся, и когти через пару мгновений пропорят бока. Есть у демонов привычка хватать жертву

задними лапами и тащить.

Я повторно призываю шпагу, потерянный клинок материализуется в руке. Взмах, и минус один. Я таки добиваю бесхвостого, и остаюсь один на один с последним.

Демон утробно рычит, нападать не спешит, и вместо того, чтобы рвануть ко мне или прочь с судна, бросается на паруса. Порвёт их окончательно — парусник закувыркается вниз, а вместе с парусником и я, как того желает Сиян.

Я пытаюсь зашвырнуть шпагу на манер копья или скорее дротика. Промахиваюсь.

На вторую попытку времени нет. Да и не попаду.

Сцепив зубы, я усилием воли прогоняю из головы туман, собираю крохи сил. Мне не нужны десятк молний, достаточно одной. И я достаю демона. А затем происходит то, что и должно случиться — расплата за потерю сил. Я падаю, и, теряя сознание, понимаю, что скольжу по наклонённой палубе вниз.

Глава 9

Дженсен Рат

Муть за стеклом исчезает, словно её как штору сдёрнули, по глазам бьёт яркий свет чистого неба. На миг я зажмуриваюсь.

— Вырвались, — докладываю я. — Продолжаю подъём.

— Хорошо. Что планируете предпринять?

— Хей! — рываю я, прервав связь с землёй. — В отсеке!

— Господин? — незамедлительно откликается одна из бортпроводниц.

— Притащите князя, пожалуйста. Он выходил проветриться.

Что-то невразумительно пикнув, бортпроводница исчезает, а я задумываюсь над вопросом диспетчера. Парусник, увы, не вертолёт, зависнуть на одном месте не способен, судно либо ждёт вылета, либо идёт в воздушной струе, либо неуправляемо падает, четвертого не дано.

— Мы продолжаем подъём, — решаю я.

В идеале нам нужен челнок, с которого спрыгнет новый командир и возьмёт штурвал в свои надёжные руки, а я спокойно вернусь в пассажирский отсек. Правда, про спокойствие можно заранее забыть — от разбирательства никуда не деться.

Мне придётся показать свидетельство о рождении.

Все узнают, что я дочка губернатора — и демонов жених, и, что обиднее, воздухоплавательный клуб. Меня же не лишат значка?

Нет закона, запрещающего женщине рулить корабliками, более того, на мелких островах женщины спокойно управляют челноками, там у каждой семьи свой, а то и несколько, муж уходит по делам на одном, жена идёт за покупками на другом...

Но я-то хочу не домашним корытом рулить, а остаться в клубе!

Борьба за идеи феминизма в мои планы точно не входила, я предпочитаю программу “Безопасное небо”.

С родителями придётся объясняться...

Скрыть, что я ненастоящая Дженсен, едва ли получится.

Р-р-р, демонов князь.

В рубку он не входит, а вползает. Рука выше локтя и до шеи перемотана бинтами, крови заметно прибавилось. Князь бледен, в левом глазу лопнул сосуд. Пошатывается, чуть ли не валится на бортопроводницу, но упорно прёт ко мне.

— Сзади, между прочим, удобные кресла, — раздражает он меня несмотря на весь героизм.

— Такелаж в хлам, часть парусов утеряна.

Так вот откуда тряска.

— А хорошие новости есть? — если у нас проблемы с парусами, то ждать десанта спасателей не вариант. — Рейс две-

надцать-сорок, нас потрепало, разваливаемся на ходу. Запрашиваю срочную посадку.

— Справитесь, рейс двенадцать-сорок?

— Лучше мы ляпнемся в воды взлётно-посадочного канала, чем в океан. Дайте нам пространство.

— Выполняю, — о, это первый голос, вместо инструктора отвечает диспетчер.

Да уж, прямо сейчас ради меня, другие парусники разворачиваются и уходят на соседние острова, челноки разбегаются. В небе буду только я и остров.

Угу, размечталась.

— Вижу землю, — отчитываюсь я. О том, что при нынешнем курсе мы идём на таран, умалчиваю.

— Рейс двенадцать-сорок, наблюдаю вас в шаре. Лево руля на десять градусов.

— Выполняю.

— Желаете сесть в ближайшем порту?

Хм...

С одной стороны, так и надо, но мы ведь не могли уйти от “родного” острова далеко. Что бы я ни говорила про ляпнуться, посадить парусник будет трудно. Не лучше ли выбрать знакомый порт?

— Он рядом?

— Да, но требуется крутой разворот. Заход по широкой дуге невозможен, так как дальше помешает россыпь малых островов.

— А что насчёт Энтайкаса?

— Это второй рекомендованный вариант. Лететь дальше, и вам придётся маневрировать между островами, от которых вы сейчас отклонялись. Заход на посадку по широкой дуге.

Парусник хоть и трясёт, но пока что он держится. Как отреагирует на резкие манёвры — неизвестно.

— Мы идём в Энтайкас, — решаю я.

— Принято.

Диспетчер берёт на себя роль разбитого шара. Конечно, голос не заменит объёмную карту-проекцию, но нам сойдёт.

Я кошусь на князя.

— Пусть нас встречают целители. Князь Милан Авей ранен в бою с демонами.

Вообще-то говорить не обязательно, целители в любом случае будут, этого требует протокол, но с моей подачи они начнут оказывать помощь так быстро, как это возможно.

Я осторожно протискиваюсь между двумя небольшими островками. Очередная встряска намекает, что мы лишились ещё одного паруса. Судно нехорошо накреняется, но пока не критично. Перекос “сыграет” на посадке.

— Лево руля на два градуса.

С самопилотом я капельку освоилась. Я выставляю ползунк и вжимаю клавишу. Штурвал сам собой чуть поворачивается, а затем также сам возвращается в исходное положение. Где бы я такую точность вручную обеспечила?

— Вижу Энтайкас, — докладываю я. — Вижу канал.

— Рейс двенадцать сорок, переводите паруса в нейтрал и сразу же в конфигурацию на снижение.

Самое сложное. В том плане, что меняя конфигурацию, я рискую порвать такелаж.

— Выполняю.

Парусник в ответ на мои действия затрепыхался, пришлось доворачивать штурвал вручную “на глаз”. И садиться нам тоже придётся на глаз. Самопилот на рваные паруса, увы, не рассчитан, а просчитать все нужные параметры инструктор просто не успеет. Между кружить над островом в ожидании программы для самопилота и срочным приводнением, я выбираю посадку “ручками”.

— Рейс двенадцать сорок, вы выше глиссады.

— Что? — притихший было князь, о котором я успела благополучно позабыть, напоминает о своём существовании.

— Траектория снижения, — поясняя я и одновременно отклоняю штурвал от себя, нос парусника опускается.

— Вы ниже глиссады! И вы снижаетесь слишком быстро. Я тяну штурвал на себя, теперь уже поднимаю нос.

Со скоростью прощсе — я запрашиваю параметр у инструктора, вбиваю на панели и выжимаю клавишу, парусник начнёт тормозить своими силами, без моего прямого управления.

— Вы выше глиссады!

— Ай, зараза.

Чёртово корыто.

Челноки маленькие, манёвренные, а эта туша весом больше тонны, инертная и неповоротливая. Да я банально “не чувствую” габаритов, всё равно что с трёхколёсного детского велосипеда пересесть за руль грузовика. Да, я держу в уме разницу в размерах, но отсутствие опыта подводит. К тому же челнок реагирует на штурвал сразу, а парусник — с задержкой. Надо спокойно ждать отклика, а не выкручивать штурвал до предела, как очень хочется. Я про плавность и задержку помню, но всё равно то передавливаю, то перетягиваю.

— Вы ниже глиссады!

— Замедляйтесь в два раза, — вклинивается инструктор.

— Есть, — я выдаю самопилоту новые показатели.

Остров уже близко, взлётно-посадочный канал вижу, идём мы чётко на него.

Только с глиссадой никак не справлюсь.

С челноками проблемы “попасть” просто нет. Судно маленькое, а рамки наоборот широкие. Если продолжить сравнение — заехать в ворота на велосипеде в сто раз легче, чем на грузовике.

— Скорость ноль! — подсказывает инструктор.

Дальше пойдём на инерции.

— Вы ниже глиссады!

Чуть задираю нос, запаздываю, и корпус парусника сотрясается от удара о водную гладь.

Я жму клавишу, возвращающую штурвал в нейтральное

положение — нам только взлететь случайно не хватало.

Всё, тормозим и молимся, чтобы туша парусника остановилась до того, как кончится длина канала.

Сбоку раздаётся тихий стон — князя приложило. Сочувствую ему, потому что плюх вышел знатным, ничего удивительного, что сирена начинает опять орать.

— В трюме течь, — переводит её вопли инструктор.

— Как тут связь с пассажирами врубить? — уточняю я и, следуя подсказкам, быстро нахожу второй артефакт связи. — Внимание бортпроводникам! Немедленно начать полную эвакуацию.

Быстро парусник не затонет, но всё равно засиживаться нечего.

Покосившись на князя, я снова встречаюсь с ним взглядом, и в душе зарождается что-то очень похожее на уважение. Пусть Милан Авей вредный индюк, решивший сорвать на мне своё дурное настроение, от демонов он нас спас.

Если бы он не вышел, демоны не стали бы трогать паруса, они бы вскрыли люк и занялись пассажирами, а мы в безопасной рубке дождались бы набора высоты. Только вот зародиться хорошему чувству князь не даёт:

— На квалификацию ты сдал. Оценка наивысшая.

— Ну что вы, господин. Это у вас нет квалификации, чтобы меня оценивать, — усмехаюсь я и выбираюсь из кресла.

— Ты...

Что он хочет сказать, мне не интересно, я взмахиваю ру-

кой в знак прощания. Жизни его ничего не угрожает, вот-вот придут целители, а у меня единственный шанс под шумок смыться из порта. До земных стандартов контроля здешним далеко, и вполне вероятно, что в общей суете я затеряюсь. По крайней мере я попробую это сделать.

Я не рвусь к выходу вместе с пассажирами верхней палубы, а ввинчиваюсь в толпу, хлынувшую с нижней и почти сразу получаю баулом по кончику носа.

Люди идиоты.

Если бы пробоина оказалась большой, и мы не просто трюмом глотали воду из канала, а шли ко дну, их баулы кому-то стоили бы жизни.

Развёрнуто три узких трапа, и мужчина с баулом застревает, тормозит очередь.

— Уважаемый, пожалуйста, оставьте вашу сумку слева от меня, вы получите свои вещи вместе с остальными пассажирами, — просит проводница.

В ответ он её грубо посылает.

— Подайте нормальный трап! — требует он.

Проводница реагирует идеально:

— Да, уважаемый, запрашиваю для вас широкий трап. Пожалуйста, во время ожидания подачи встаньте за моим плечом.

— Да щас! — он всё ещё пытается протиснуться.

Кортика у меня нет, поэтому я подскакиваю и грубо дёргаю за верёвочные лямки. Баул сваливается, и я без зазрения

совести скидываю его за борт.

— Тебя тоже пинком поторопить? — уточняю я. Расправиться с крупным телом мне силёнок не хватит, но на мужчину действует.

Испуганно пискнув про неумение плавать, он скатывается аж бегом.

Я стараюсь не отставать.

У меня не так много времени, чтобы в общей суматохе ускользнуть.

Кстати, а куда мне податься? Ни домой, ни в храм нельзя. Разве что одолжить княжескую “Синюю розу”...

Глава 10

Бросив тоскливый взгляд в сторону причала, где отдыхают челноки и мелкие парусники, обслуживающие маршруты до ближайших островов, я с сожалением кошусь на стражей, выстроившихся живым коридором от трапа до арки. Увильнуть не получится, да и не собираюсь я угонять незнакомую лоханку, мне на сегодня приключений хватило.

Нас вежливо-настойчиво приглашают в зал ожидания.

Я привстаю на цыпочки, верчу головой. Прямо сейчас вылетов не будет, и всех пассажиров явно попросили перебраться в общий холл, где располагается касса, то есть в зале ожидания будем только мы, пассажиры парусника.

Ускользнуть не получится.

Впрочем, я не сдаюсь, жду подходящего момента, потому что уверена, что он наступит.

Потихоньку я подбираюсь к выходу, но близко не подхожу, чтобы не мозолить глаза стражам.

Люди волнуются, кто-то испуганно плачет, кто-то возмущается из-за оставленного на борту багажа. В толпе мелькают форменные шапочки целителей. Пострадавших среди пассажиров нет, но у кого-то нервы сдали, у кого-то сердце слабое. Словом, я издали чувствую запах успокоительных капель.

— Уважаемые пассажиры, просьба сохранять спокой-

ствие! Весь багаж будет снят с борта и передан владельцам. В связи с непредвиденными обстоятельствами вы можете вернуть полную стоимость билета или ожидать специального рейса. На время ожидания вам будет предложен обед от Альянса “Открытое небо”.

Ропот, гул.

— И сколько нам ждать?! — восклицает дородная женщина в цветастом платье. Такую ожидаешь увидеть торговой на рынке.

— Мы рассчитываем подать новый парусник в течение нескольких часов, — заверяет проводница.

Чушь. В лучшем случае вылет будет поздно вечером, но я ставлю на завтрашнее утро.

Я пробираюсь к выходу.

— Куда? — удивляется страж.

— Сдать билет, — честно вру я. — Багажа у меня нет.

На самом деле сумка брошена под креслом в отсеке, но я же умная, документы и деньги я спрятала во внутренний карман, так что сумкой жертвую без проблем. Вон, жених пусть забирает.

Я показываю удостоверение клуба.

— Ну... проходи, малец.

Страж моё бегство явно неодобряет, но и задержать не может — с какой стати? Я ведь ничего не нарушаю. Да и в целом к пассажирам вопросов быть не может — вина целиком и полностью на командире. Про мою роль страж не в курсе,

мне повезло.

Я выхожу в общий зал.

Сдавать билет — тратить время, но я спиной чувствую взгляд стража. Что же, задуманное как ложь внезапно становится правдой. Я пишу заявление и получаю наличность.

Свобода, я иду!

Остаётся понять, куда именно я направляю стопы. Ни домой, ни в храм нельзя. Как вариант — снять комнату в гостинице, однако приличных гостиниц на Энтайкасе всего две, а значит их обязательно проверят.

Клуб, конечно, тоже проверят, но пространства для манёвра у меня будет явно больше. Да и вообще, если в гостинице князю пойдут навстречу, то в клубе его появление наоборот расценят как вторжение.

Куда больше меня беспокоит, как быть с родителями Дженсен.

Я не представляю...

Я нанимаю более дорогой закрытый экипаж и первым делом в салоне задёргиваю штору, оставляю щёлку, чтобы следить за дорогой — мало ли, меня по пути осенит.

Экипаж выезжает на проспект, широкая мостовая режет город наискось. Я краем глаза слежу за мелькающими за стеклом домами.

Над всеми возвышается трёхэтажное представительство Альянса. В небо вонзается серебристый шпиль, увенчанный подвесной конструкцией — у вершины на тонких цепочках

кружат три метровых парусника. Ниже парусников, у основания шпиля, устроена круговая обзорная площадка. Выглядит эффектно, но я смотрю на шпиль не поэтому.

Альянс — это мой проект.

Да-да, деньги, которые я тянула из отца под предлогом пожертвований храму, я частично прикарманивала. Причём, себе я забирала большую часть, не меньше двух третей, и очень скоро у меня накопилась весьма внушительная сумма.

Поверить трудно, что ещё пять лет назад никакого самопилота и в помине не было, парусники летали, как придётся, кораблекрушения были обычным делом. Купить билет на рейс было всё равно что купить лотерейный билет, где на кону жизнь и смерть.

Самопилот перевернул представления местных о воздухоплавании. Внезапно полёт перестал быть опасным.

Оглядываясь назад, я невольно удивляюсь — я действительно смогла?

Альянс начался с того, что я нашла хорошего юриста и “посадила” на зарплату. Я не настолько бескорыстная, чтобы делиться идеей просто так, поэтому юрист сперва открыл от моего имени контору, а затем нанял магов, судостроителей, воздухоплавателей и даже жрецов пригласил на роль консультантов по топливу, в смысле консультантов по благословению Блинецов-Ветров.

Три группы работали независимо друг от друга — каждая предложила своё решение поставленной задачи. Сама я ав-

топилот не разрабатывала, я не конструктор, не маг. Я была вдохновительницей, автором технического задания и... в конечном итоге единоличной владелицей пачки бессрочных лицензий

Поначалу интереса к моему проекту не было, но мне удалось договориться с одним не самым крупным перевозчиком... И результат превзошёл самые смелые ожидания — катастрофы как отрезало.

Я представила статистику другим перевозчикам, презентовала программу “Безопасное небо”. Многих смущало, что “Дж. Рат” не показывает лица, а предпочитает общаться в переписке или через юриста, и никто не спешил вступать в новорожденный Альянс с количеством членов аж целый ноль.

Успех пришёл в один день.

Видят боги, я бы предпочла спорить до хрипоты, шаг за шагом продвигая программу, чем взлететь на трагедии. Потерпело крушение самое крупное парусное судно. Причина — ошибка командира корабля, он опустил нос недопустимо низко, и судно сорвалось в штопор. Погибли двести семь человек, среди них были дочь и сын одного из министр внутренних дел. Он написал мне через два дня после похорон, спросил, предотвратил бы самопилот трагедию или нет. Я ответила, что самопилот не даёт и не может дать абсолютных гарантий, но почти наверняка трагедию действительно удалось бы предотвратить, только не благодаря самопилоту, а благодаря контролирующему артефакту, блокирующе-

му недопустимые команды.

Поддержка господина министра стала ключом к прорыву.

Правда, до сих пор остаются перевозчики, которые летают по-старинке и игнорируют не только Альянс, но и программу “Безопасное небо”, которое мы бесплатно предлагаем для всех. Заплатить придётся непосредственно за обвес артефактами и за их дальнейшее обслуживание.

Экипаж поворачивает, шпиль пропадает из поля зрения.

Оставляю обращение в представительство Альянса на самый крайний случай — я пустила слух, что Дж.Рат однорукий инвалид с лицом, искорёженным ожогами. Во мне-мальчишке владельца просто не признают. Разберутся, конечно, куда денутся, но вместо тихого бегства получится шумный камингаут. Оно мне надо? Те, кто знают меня в лицо, увы, в столице, главный офис с Энтайкаса давно съехал.

Да и вообще мою связь с Альянсом стоит оставить как последний козырь.

Мы выезжаем за город, хотя это понятие к островам трудно применимо. Земля в дичайшем дефиците, не застраивают только полосу вдоль обрыва и только потому что из-за строительства край начинает крошиться, и в самом начале было несколько случаев, когда острова разваливались на части. С тех пор любую стройку контролируют строжайшим образом.

Окраины не пустуют. Здесь площади делят воздухоплавательные клубы, порт и конторы, держащие собственные взлётно-посадочные каналы. Между всем этим богатством

втискиваются сады и теплицы.

— Прибыли, малец!

Задумалась так, что полдороги не заметила.

Я спрыгиваю на грунтовку, расплачиваюсь.

— Бывай, дядя, — прощаюсь я.

Территорию клуба опоясывает забор, но поставлен он чисто символически. Перелезть — раз плюнуть. Ворота закрыты, я прохожу через калитку. На ней замок уже года три сломан, и никто не чешется.

В штабе безлюдно. Я топаю напрямиком на кухню. Есть у нас закуток, где всегда можно найти, чем набить пузо. Я отрезаю себе мяса, кладу на хлеб, попутно завариваю чай и устраиваюсь на подоконнике с видом на клубный причал.

Думаю, сегодня князь точно не появится — рана у него серьёзная. Завтра? Попрошу кого-нибудь перекинуть меня на соседний остров.

По-хорошему нужно не бегать, а разорвать помолвку.

Я до сих пор не знаю, зачем я сдалась князю. Может, написать ему?

— Кого я вижу! Джен-прогульщик уминает мой ужин.

— Ужин общий, дядя Тар, — возражаю я своему любимому инструктору.

Мужчина-шкаф, абсолютно лысый, во рту не хватает зубов, отчего щербатая улыбка выглядит особенно угрожающе. Такого в тёмном переулке встретишь — сам все деньги отдашь добровольно и не дожидаясь требований. Однако

внешность обманчива, господин Тарвин Дигон добрейшей души человек.

— Совести у тебя нет, Джен, — упрекает он и тотчас меняет тему. — Слушай, Джен. У меня к тебе предложение. Ну или просьба, сам решай.

— Да?

— Давай прямо сейчас спустимся в Бездну?

Глава 11

— В Бездну? — переспрашиваю я.

В любое другое время я бы прыгала от радости, потому что именно нырки в Бездну влекут меня больше всего, но сегодня я Бездны нахлебалась.

— Хей, не делай такое лицо! Неужели наш маленький Джени испугался?

По сравнению с бугаём-инструктором я действительно маленькая.

— Я желаю подробностей, дядя Тар, — фыркаю я и невежливо вгрызаюсь в остатки бутерброда.

— Слышал, что в порту случилось?

— Эм...

— Джен, да это только глухой не слышал! Один из этих, ну... Короче, командир судна попытался всех угробить, направил корыто носом вниз и зарезался, а его помощник смог судно поднять.

То есть про моё участие ещё не раззвонили? Хорошо...

— И-и? — подталкиваю я.

— Говорят, на них напали сразу три или четыре роя, а где гнезятся демоны, там растёт дукка. Дальше разжёвывать?

Ну, я бы поспорила. Не дукка растёт там, где гнезятся демоны, а наоборот, они гнезятся там, где она есть. Бездна принесла не только зло. Дукка обладает исключительными

целебными свойствами, и за каждый кочан богатеи готовы платить золотом по весу этой волшебной капусты. Добудь несколько штук — и ты богат.

— Мы не нырнём, так другие?

— Ну!

Самопилоты расходятся как горячие пирожки, небольшая контора превратилась в крупный концерн, обслуживающий как отдельных перевозчиков или даже частников, так и Альянс. Именно у меня самый качественный “обвес”, контролирующие артефакты и магическая “начинка”, обеспечивающая их работу.

Доход идёт, но при этом я... почти нищая. Потому что всё, что я получаю, я незамедлительно вкладываю в развитие дела.

Я дожёвываю мясо, залпом опрокидываю в себя остатки чая и спрыгиваю с подоконника, мимоходом отряхнув с губ крошки:

— Занырнём.

— Занырнём! — дядя Тар потирает руки. — Тебе штурвал, а мне дукку.

— Идёт, — киваю я, хотя в глубине души подозреваю, что инструктор наши силы переоценивает. Демоны после трёпки от князя злые и беспокойные, проскользнуть у них под носом и ограбить будет проблематично.

Но ведь мы не на корыте пойдём, а на “Селёдке”, весьма странном порождении местной инженерной мысли. Навер-

ное, больше всего она похожа на подводную лодку: если парусник — это одна половинка скорлупы, то “Селёдка” представляет собой полый орех, утыканный боковыми и хвостовыми парусами.

Клянусь, я не знаю, как это деревянное чудовище летает. “Селёдка” манёвренная, скоростная, способна к пикированию.

— Наша задача упасть, схватить, убежать.

— Да, дядя Тар, — план нехитрый, запомнить легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.